

УДК 101.1:[316.4+130.32]

**ЗА ГРАНЬЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ: К ВОЗМОЖНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВЫ
В ОТСУТСТВИЕ АЛЬТЕРНАТИВ**

К.В. Кондратьев, А.С. Краснов

Аннотация

В статье проводится последовательная критика современной идеологии капитализма с точки зрения неомарксистской доктрины. Современная неолиберальная капиталистическая идеология представляет собой отдельную фантазматическую гиперреальность, которая может быть соединена с объективной реальностью только путем насилия. Нами предпринята попытка анализа с методологической позиции «дискурса невозможного» как поиска альтернатив в поле современной капиталистической идеологии, которая представляется безальтернативной. Мы определили «идеологический треугольник», включающий неолиберальную экономическую доктрину, неоконсервативную политику и неопозитивистскую философию, – эти три концепта формируют единую эпистему современного мира.

Ключевые слова: идеология, капитализм, неолиберализм, неомарксизм, экономический кризис, фантазм, симптом, «дискурс невозможного».

К концу первого десятилетия XXI в. капиталистический мир поразил сильнейший финансово-экономический кризис, обнаживший противоречия, заложенные в основание неолиберальной экономической модели. Марксистски-ориентированная политэкономическая мысль не только со всей ясностью продемонстрировала сущность и механизмы данного кризиса, но и предсказала пути его дальнейшего развития и усугубления (об этом см., например, [1, 2]). Несмотря на это, в интеллектуальном пространстве сохраняется удивительная ситуация: неолиберальная капиталистическая идеология как универсальный способ объяснения действительности, основанный на буржуазных терминах «средний класс», «частная собственность» и «права человека», сохраняет за собой исключительную монополию на изначальное эпистемологическое картографирование, вне зависимости от своего эвристического потенциала. При этом левая мысль, уже продемонстрировавшая свои познавательные возможности, остается в маргинальном положении, за ней сохраняется репутация своеобразного интеллектуального чудачества, не стоящего серьезного рассмотрения. И подчас это утверждение весьма справедливо. Например, такие авторы, как Г. Стендинг или М. Хардт и А. Негри [3, 4], позиционируя себя мыслителями левого толка, тем не менее не используют марксистскую методологию при анализе социальной реальности, оставаясь на уровне идеалистических спекуляций в духе младогегельянской школы. Однако подобные исследования акцентируют внимание

на критическом анализе трансформаций базовых институтов современности, что выгодно отличает их от текстов творцов неолиберальной идеологии.

Современная капиталистическая идеология все больше уходит в сферу гиперреального пространства, что порождает негативные процессы в самом социальном организме: люди и целые государства, слепо следуя современной неолиберальной идеологии, ее заверениям в «счастливом завтра», так и не могут достигнуть счастья и процветания, экономической и социальной стабильности, что напрямую отражается на *качестве* жизни индивидов. Но подробный анализ альтернатив существующей идеологии не входит в задачи настоящей статьи. Цель в другом – обозначить причины и основания подобной ситуации, когда неолиберальная идеология рассматривается в качестве безальтернативной. Идеологической тотальности неолиберализма должен быть противопоставлен «дискурс невозможного»: если главным постулатом господствующей капиталистической идеологии является утверждение невозможности серьезной критики ее основополагающих постулатов, не остается ничего иного, кроме как начинать наше мышление именно с «невозможного» как своеобразной методологической позиции, трансцендирующей привычную эпистемическую картину реальности. Как пишет С. Жижек, “however, there is a point on which we cannot concede: today, actual freedom of thought means the freedom to question the predominant, liberal-democratic, “postideological” consensus or it means nothing” («однако есть один пункт, с которым мы не можем согласиться: сегодня настоящая свобода мысли означает свободу вопрошать к господствующему либерально-демократическому, “постидеологическому” консенсусу, либо не означает ничего») [5].

Кризис экономического базиса вызывает кризис надстройки, а феноменом, конституирующим надстройку в единое духовное пространство, является идеология. Кризис капиталистической идеологии признается сегодня самими буржуазными мыслителями: Ф. Фукуяма в 2009 г. опубликовал статью «Будущее истории» [6], где сформулировал задачу обновления капиталистической идеологии. Но сама «обновлённая идеология» должна строиться на неизменных для капитализма принципах: свобода, частная собственность, демократия и средний класс. Таким образом, границы будущей идеологии обозначены заранее – подобное эпистемологическое картографирование само по себе может рассматриваться в качестве своеобразного «симптома», который мог бы привести нас на сущность идеологии вообще. С. Жижек не случайно сравнивает идеологию с пространством психотического симптома: идеология, подобно симптому, представляет собой “a formation whose very consistency implies a certain non-knowledge on the part of the subject” («образование, само строение которого предполагает определенное не-знание со стороны субъекта») [7, p. 16].

Сложность философского осмысления данного объекта заключается в том, что сам капитализм и его отражение в неолиберальной идеологии представляют собой чистую гиперреальность, где либерализм, на каких бы фронтах он ни сражался, всегда обречен на победу в пространстве симуляции, вне связи этой победы с реальностью. Смысл идеологии постоянно ускользает, быть может, потому, что само наличие объективного смысла, коррелирующего с реальностью, не является для нее чем-то внутренне необходимым.

Экономический кризис сквозь призму идеологии: «дискурс отсутствия»

Одной из ключевых задач, разрабатывавшихся в политической философии XX в., являлась проблема анализа идеологических нарративов. Начало данному направлению исследований было положено в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, однако именно в XX в. эта проблема приобрела особую значимость ввиду специфических исторических обстоятельств, а именно одновременного сосуществования двух принципиально различных идеологических систем: капиталистической системы стран Западной Европы и социалистической системы СССР и его союзников. При этом не следует забывать, что само существование социалистической системы оказало значительное влияние на интеллектуальную жизнь как в Европе, так и за ее пределами: социалистическая экономическая формация стала своеобразным альтернативным эпистемологическим пространством, к которому могли отсылаться теории, критически ориентированные по отношению к главенствующей буржуазной идеологии¹.

Крушение социалистического мира, случившееся на рубеже 80–90-х годов, полностью деконструировало привычную двухполярную картографию идеологического пространства. Победа капиталистической идеологии в ее неолиберальной модификации (Ф.А. фон Хайек, А. Рэнд, Ф. Фукуяма) казалась полной, а тотальность капиталистической экономической системы – единственно адекватной времени. Государства, продолжавшие отстаивать социалистическую идеологию на словах, либо постепенно дрейфовали в сторону капиталистических экономических отношений (Китай), либо превращались в *rogue states* и оказывались вытесненными за пределы «приличного общества» реальных политических сил (Куба, КНДР). Данная ситуация нашла свое отражение и в идеологическом пространстве: критика капиталистической идеологии потеряла опору, превратившись в абсолютно маргинальный дискурс, не стоящий какого бы то ни было внимания со стороны магистрального направления экономической мысли.

В то же время тексты и публичные выступления современных праволиберальных экономистов и политологов все чаще вызывают ассоциации с известным символом трех обезьян, заимствованным из японской версии буддизма: «не вижу зла, не слышу зла, не говорю зла». В условиях продолжающегося экономического кризиса любые попытки поставить вопрос о его глубинных причинах автоматически отбрасываются как маргинальные и поэтому незаслуживающие серьезного обсуждения. Идеологическое поле *означающих*, в рамках которого текущие процессы получают свою определенность в некоторых терминах, предваряющих в принципе обсуждение данных процессов, оказалось оккупировано тремя силами, вступившими в союз, усиливающий каждую из сторон: *неолиберальный дискурс в экономике, неоконсервативный блок в политике и неопозитивизм в философии*. Либерализм в экономике постулирует экспансию свободного конкурентного рынка в самых разнородных областях социальной жизни – от информационного обмена до гуманитарной помощи нуждающимся –

---

¹ Естественно, было бы точнее говорить не об эпистемологическом пространстве, а о целой россыпи «пространств», отсылающих к различным частям отнюдь не гомогенного социалистического мира: от классического «марксизма-ленинизма», к которому отсылала в своей теоретической деятельности Французская коммунистическая партия, до весьма причудливых форм анархизма, маоизма, геваризма и т. д.

в качестве единственно возможного целерационального поведения, приводящего к желаемому результату. Неоконсервативная политика укрепляет данную линию за счет старого как мир метода конструирования «образа врага», который оказывается ответственным за все провалы и катастрофы на пути к реализации либерального проекта. Философский позитивизм, воплощенный в традиции англо-саксонской аналитической философии, требует от любого исследователя «концентрироваться на фактах» (темпах экономического роста, показателях ВВП, опросах общественного мнения и др.), однако сам способ отбора фактов и их формулирования представляется не столь нейтральным и беспристрастным, как того желали бы позитивистски-ориентированные исследователи.

Действенность практик неолиберализма хорошо иллюстрируется так называемыми молодыми демократиями, совсем недавно принятыми в «цивилизованный» западный мир, которые с яростью неопитов взялись за проведение у себя либеральных реформ, ожидая, что такие меры, как либерализация цен, приватизация промышленности, демонтаж институтов социальной защиты и т. п., приведут к неизбежному всеобщему процветанию. Однако чуда не происходит, «дивный новый мир» свободной экономики, демократической многополярной политики и всеобщего благоденствия не наступает. А продолжающиеся и даже усиливающиеся требования со стороны международных финансовых институтов к странам-должникам по продолжению либеральных реформ выглядят все более зловеще. Старые объяснения, сочувственно именующие такие меры «непопулярными, однако необходимыми», уже не работают: непопулярность данных мер со всей очевидностью видна в движениях «Оккупай Уолл-стрит» и им подобных. Где же необходимость этих мер? Вопрос остается без ответа.

Ситуация, когда множество вопросов не только не могут получить ответ, но даже не могут быть корректно поставлены, имеет причиной тот идеологический диктат, на который мы указали в начале статьи. И дело здесь не в нарушении прав на «свободу слова», недостаточной «демократичности» современной политической системы и тому подобных вещах – дело в том, что сама конфигурация языка, на котором происходит осмысление социальной реальности сегодня, такова, что определенные проблемы в принципе не могут быть поставлены. Это объясняется тем, что, ставя под вопрос основания общемировой идеологической конструкции современности, данные проблемы требуют определенного метаязыка, позволяющего описать и сформулировать их, тогда как основной постулат современной идеологии (как, впрочем, и любой другой идеологии, ставшей господствующей) прост и однозначен: метаязыка не существует. Имеет смысл только наличный «естественный» язык (то есть язык господствующей идеологии), альтернативы просто не принимаются к обсуждению вследствие их заведомой бессмысленности.

Идеологический «треугольник» современного капитализма

Три основных механизма современной идеологии (неолиберальная экономика, неоконсервативная политика, позитивистская наука и философия) могут быть представлены в виде трех зеркал, занимающих три угла равностороннего треугольника и формирующих друг в друге бесконечный ряд отражений.

1. Неолиберальный экономический дискурс концентрируется вокруг термина «эффективность», отчасти даже заменяющего традиционный для капиталистического языка термин «прибыльность». Мы можем наблюдать, как проблематика «эффективности» захватывает все большие пространства, включая те, которые ранее не попадали под ее юрисдикцию: проблема «эффективности» поднимается в сферах образования и науки, культуры, социальных институтов, вплоть до «эффективности» межличностных отношений. Однако практически не представляется возможным поставить вопрос об эффективности самой эффективности: мы знаем немало примеров, когда жертвами (узко понимаемой) эффективности стали весьма многообещающие проекты, такие как проект «шаттл» или сверхзвуковой пассажирский самолет.

Между тем, что если в основании дискурса «эффективности», пронизывающего рыночные отношения, лежит нечто противоэффективное? Странная логика лежит в основании императива к обращению капитала, запрещающего его изъятие и сохранение извечным лозунгом «деньги должны работать» – ради чего? Ответ в данном случае достаточно прост: деньги работают ради самих себя. В этом смысле воспетая Максом Вебером «протестантская этика» оказывается не такой уж «эффективной»: постоянное стремление к приращению капитала вступает в прямое противоречие с его использованием для удовлетворения собственных потребностей (не случайно одной из основных добродетелей протестантского капитализма является *умеренность*); обладая огромным богатством, капиталист не может им воспользоваться, он вынужден снова и снова приносить его в жертву ненасытной капиталистической «эффективности»...

2. Политический дискурс неоконсерватизма концентрируется вокруг введенного еще во времена Отто фон Бисмарка термина “Realpolitik”, обозначающего политику сугубо прагматических интересов государства, абстрагирующуюся от соображений морального или идеологического характера. «Пост-идеологичность» как ключевая характеристика современного мира предполагает не только отсутствие какой-либо основополагающей идеи (подобной идее мировой победы коммунизма в СССР или идее «распространения демократии» для евроатлантического проекта второй половины XX в., достижению которых подчиняются все силы государства, включая его прагматические интересы), но также и отсутствие постоянных союзов и дружеских отношений между государствами. Лорд Палмерстон блестяще выразил это представление в отношении Британской империи: у Британии «нет ни постоянных врагов, ни постоянных друзей, есть лишь постоянные интересы» (впоследствии эту мысль цитировал У. Черчилль).

Между тем огромное удивление вызывает та фанатичность, с которой США, громче всех утверждающие о своей свободе от любых идеологий, защищают некоторых своих союзников, начиная от диктатора Никарагуа Анастасио Сомоса и заканчивая прибалтийскими лидерами, пользующимися их безоговорочной поддержкой, несмотря на откровенные симпатии к фашизму. Обратное тоже верно: объекты ненависти («постоянные враги») для США тоже отличаются удивительным постоянством: большинство дружественных жестов глав государств, попавших в список так называемых *rogue states*, практически всегда игнорируется. В качестве примера можно вспомнить заявления лауреата Нобелевской премии

мира о сохранении готовности начать военную операцию в Сирии, несмотря на все предпринятые ранее усилия по предотвращению вооружённого конфликта.

Здесь вновь необходимо удержаться от соблазна банального обвинения в «двойных стандартах» и «лицемерии» западных лидеров: проблема покоится глубже, чем кажется на первый взгляд. Становится очевидно, что сам постулат о «пост-идеологичности» нынешнего общества является краеугольным камнем современной идеологии; требованию отказаться от идеологических измышлений в пользу политики прагматических государственных интересов следует противопоставить основополагающий вопрос: о чьих именно интересах идет речь? Механизм «пост-идеологической идеологии» остается совершенно неизменным с тех пор, когда он впервые был описан К. Марксом: идеология возводит частный интерес господствующего класса в ранг всеобщего интереса². Меры противодействия экономическому кризису 2008 г. демонстрируют эту простую истину с максимальной очевидностью: спасение банков, являющихся наиболее непосредственным (хотя и не изначальным) источником и причиной кризиса, осуществляется с помощью средств государственного бюджета, формируемого из средств налогоплательщиков, при этом подобное перераспределение средств от основной массы населения в пользу крайне узкого финансового сектора объясняется «нуждами самих налогоплательщиков». Отмечаемые всеми экспертами факты того, что деньги так и остаются в границах финансового сектора, уходя в бесконечные спекуляции, и не доходят до реальной промышленности, в расчет не принимаются.

3. Данная картина лучше всего оправдывается и легитимируется позитивистски-ориентированной социальной наукой и традицией аналитической философии с ее пафосом «изучения фактов». Именно британо-американская аналитическая философия поставила задачу «изгнания метафизики» путем анализа философского языка с точки зрения некоего искусственно сконструированного идеального «языка фактов», на котором мы сможем говорить только о том, что есть, отбросив большинство «вечных» философских проблем, наподобие проблемы соотношения материального и идеального, как «псевдопроблемы», решать которые нет никакого смысла [9]. Нарочитая нейтральность аналитической философии лишь единожды была прервана в знаменитом афоризме Л. Витгенштейна, вся глубина которого так и не была осознана: «о чем *невозможно* говорить, о том *следует* молчать». Данный тезис необходимо трактовать диалектически, сконцентрировавшись на содержащемся в нем противоречии: для чего нужно *требование* молчания о том, о чем все равно говорить *невозможно*? Что, если решение о том, о чем «возможно» говорить, а о чем говорить «невозможно», является результатом не нейтрального наукообразного анализа, но властного утверждения, осуществляющего первичную разметку терминологического поля? В этом случае открыто императивный термин «следует» необходим для того, чтобы поддержать и укрепить, по видимости, нейтральный термин «невозможно».

---

² «В бюрократии тождество государственного интереса и особой частной цели выражено в такой форме, что *государственный интерес* становится *особой* частной целью, противостоящей другим частным целям» [8, с. 273].

Здесь следует вспомнить хорошо известный в истории философии миф о пещере из «Государства» Платона. Разве нельзя состояние платоновских узников, пристально изучающих движение теней на стене перед ними и даже делающих определенные умозаключения и прогнозы о его дальнейшем развитии, описать в позитивистских терминах? Поистине, разговор о сущности происходящего для узников будет находиться в сфере «невозможного», ведь само различие между тем, что «возможно» узнать, и тем, что для них знать «невозможно», определено заранее и без всякого участия с их стороны. В этом случае единственным способом освобождения, к которому и призывает Платон в своей истории, будет требование права говорить о «невозможном» или даже судить «возможное», наличное с точки зрения «дискурса невозможного».

Summary

K.V. Kondratjev, A.S. Krasnov. Beyond Capitalist Ideology: An Alternative to the Lack of Alternatives.

The paper provides a consistent criticism of modern capitalism from the viewpoint of neo-Marxism. The modern neoliberal capitalist ideology represents a separate fantasmatical hyperreality, which can be reduced to the objective reality only through violence. An attempt is made to analyze the “discourse of impossibility” from the methodological perspective, i.e., as a way for finding possible alternatives in the modern capitalist ideology, which seems to have no other alternatives. The fundamental “ideological triangle” is determined. It consists of neoliberal economic doctrine, neoconservative policy, and neopositivistic philosophy. These three concepts embody the unified episteme of the modern world.

Keywords: ideology, capitalism, neoliberalism, neo-Marxism, economic crisis, phantasm, symptom, “discourse of impossibility”.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии. – М.: Культурная революция, 2009. – 687 с.
2. Khazin M. Crisis theory. Report for the conference in Modena, Italy, 9 July 2008. – URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/533205>, свободный.
3. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury Acad., 2011. – 192 p.
4. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Праксис, 2004. – 434 с.
5. Zizek S. Have Michael Hardt and Antonio Negri Rewritten the Communist Manifesto For the Twenty-First Century? – URL: <http://www.egs.edu/faculty/slavoj-zizek/articles/have-michael-hardt-and-antonio-negri-rewritten-the-communist-manifesto-for-the-twenty-first-century/>, свободный.
6. Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? – URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136782/francis-fukuyama/the-future-of-history>, свободный.
7. Zizek S. The Sublime Object of Ideology. – London: N. Y.: Verso, 1989. – 256 p.
8. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 1. – С. 219–368.

-
9. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999. – 192 с.

Поступила в редакцию
06.05.14

Кондратьев Константин Владимирович – кандидат философских наук, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *kons-kondrat@yandex.ru*

Краснов Антон Сергеевич – кандидат философских наук, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *anton-krasnov1987@yandex.ru*